

КОГНИТИВНАЯ КОНДЕНСАЦИЯ КАК ПРИНЦИП ЭТНОЛИНГВАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Н.В. Бардина (Одесса)

Современную лингвистику можно с полным правом считать супер-наукой: она сохранила в своем составе области, которые основаны на представлении языка как особой фиксированной, хотя и изменяющейся во времени, системы знаков, но при этом включила в себя и те сферы, в которых язык моделируется как платоновский *изрекающийся логос* — сила упорядочения диффузного сознания человека. Такая трансформация языкознания вполне закономерна, так как сам язык представляет собой, в сущности, *сверхкатегорию*, вмещающую в себя все категории бытия, рассматриваемые в гносеологическом поле антропоцентризма. Однако на практике многоликость предмета познания приводит к тому, что каждое конкретное изыскание приходится предварять сообщением постулатов, служащих исходной теоретической базой рассуждений.

В качестве отправной точки нам послужило толкование *надсубъектного идеального* как континуума, в котором выделены основные категории упорядочения — *вещи, свойства, отношения* [см.: Уемов 1963] и который неявно дан всему человечеству как принцип. Возникновение же различных этнических вариантов конструирующего отражения обусловлено существованием *сверхкатегории человека*, приводящей всю реальность к “концентрированному единству” [Шелер 1988, 37].

Этот постулат представляется решающим при проведении этнолингвальных исследований: мы не сможем ничего утверждать об особенностях лингвоментальности, если будем опираться, как это принято в традиционной лингвистике, только на констатацию лексико-грамматических различий между языками, на встречаемость/ невстречаемость тех или иных форм, переводимость/непереводимость конструкций, но не будем учитывать взаимодействие языковой организации и конструктивных особенностей сознания и языкового поведения реальных людей, наших современников (а не наших предков, живущих в период формирования этноса).

Рассуждая таким образом, мы косвенно используем, с одной стороны, платоновские воззрения на язык как энергеальную, непрерывно длящуюся систему стереотипизации и создания имен (номинаций), основное назначение которой — распределять индивидуальное сознание в соответствии с надиндивидуально существующими эйдосами. С другой же стороны, эвристически важными для нас оказываются взгляды

И.Канта, наметившего связь объективного идеального и его преломления в национальных ментальностях и индивидуальном сознании. Признавая, что сознание человека — не пассивное зеркало, а синтетическая активность, продуктивная спонтанная деятельность, автор “Антропологии”, опубликованной в 1798 году, утверждал, что в целом всему роду человеческому свойственны определенные черты характера, но в зависимости от принадлежности человека к той или иной расе, полу, народу, отдельные черты характера аффектируются. Эта аффектация и определяет своеобразие взглядов и поведения различных групп людей.

Если транспонировать эти идеи в область языкознания, то окажется, что национальная лингвоментальность это не столько полностью иное членение мира при помощи языковой сетки, а именно **аффектация**: особое — предпочтительное — избрание некоторых принципов включения говорящего человека в мир [см.: Бардина 1996], а также явление, которое можно было бы назвать *когнитивной конденсацией*, — *тенденция лексикализовать наиболее востребуемые коллективом ценностные для него, “пучки идей”*, стремление подвести тот участок мира, который представляется целостным из-за частотной фокусируемости на нем сознания, под власть единого эйдоса. При этом связь между аксиосистемой народа и синтетизмом тех или иных смысловых зон оказывается очевидной: различия между предметами, свойствами и отношениями, которые пусть и осознаются человеком, но не зафиксированы с предельной лаконичностью в звуковых стереотипах и не частотны в реальном языковом существовании, выступают как менее значимые, второстепенные в национальной лингвоментальной аксиосистеме.

Следовательно, разнотипность национальных проекций диакритизации заключается не столько в том, что в русском языке, например, фиксируются слова *виноград, крыжовник, смородина*, а в болгарском им соответствуют *грозде, цариградско грозде и френско грозде*, а в том, что для болгарина, даже говорящего по-русски, ягоды, обозначаемые этими словами, — варианты одной сущности, так же как *черный перец, красный перец и жгучий перец* для русского (ср.: *čierne korenje, paprika, feferon* в словацком), *water-melon* и *melon* для англичанина. Поэтому, даже отлично владея русским языком, но глядя на крыжовник в огороде своего русского друга, болгарин может похвалить “прекрасный виноград”. Точно так же британец или словак, стоя у прилавка с арбузами, предложит купить “дыню”. А русский введет в замешательство любого венгра, попросив за столом передать ему перец. Реакция на изумленное исправление собеседника при этом всегда однозначна: “Да какая разница? Ведь понятно какой виноград (арбуз, перец, стул, часы и т.п.)”.

Таким образом, значимость лингвоментального варьирования обна-

руживает себя не в констатации словарных различий, а именно в основной когнитивной конденсации участков диффузного и допускающего различную членимость мира. Представителей разных этнокультурных сообществ волнуют разные вещи. Именно конвенциональная специфика расчленения реальности и общность аксиосистемы стереотипов обеспечивает целостность народа.

Власть национального видения мира наблюдается и тогда, когда мы, говоря на иностранном языке, предпочитаем те стереотипы, которые соответствуют ключевым (в смысловом отношении особенно емким) стереотипам родного языка, и тогда, когда, столкнувшись с новым для себя предметом, который в иностранном языке относится к известному классу, мы сопротивляемся немотивированному, на наш взгляд, отождествлению. Варьирование отражения сущности зависит от пределов варьирования образа, запечатленного словом, — именно того, что древние греки называли *именем*. Если образ выходит за пределы национального варианта когнитивной конденсации, он теряет свою тождественность. В результате усвоенная с детства система языковой фиксации мира оказывает влияние на формирование его восприятия.

Витольд Доросzewский некогда утверждал, что поляк, употребляя женско-вещные формы существительных и местоимений, при этом абсолютно не думает о противопоставлении мужчин и женщин и объединении женщин с неодушевленными предметами, следовательно, — делался вывод, — женско-вещные формы склонения не существенны для формирования польской ментальности [Doroszewski 1982]. Отчасти это, действительно, так: поляк не думает об этом, но все-таки указанное противопоставление формирует аксиосистемность национального мировидения. И показательно, что иностранцы, начинающие изучать польский или другие подобные языки, по-иному начинают воспринимать и андрогинную разделенность мира.

Если в период формирования этноса и характеризующего его языка при создании новых слов и конструкций именно мировидение влияло на язык, то впоследствии наблюдается обратное воздействие. И для того, чтобы обнаружить специфику этнической аффектации познания, необходим момент эвристического удивления, возникающий в период освоения чужого языка. Находясь “внутри” привычного языкового мира, невозможно заметить то, что кажется маркированным для иностранцев.

В качестве эмпирической иллюстрации предлагаем вниманию читателя некоторые психолингвистические наблюдения над когнитивной значимостью объективации градуируемых качеств (атрибутивных и адвербиальных компаративов и суперлативов) в словацком языке.

В своем известном исследовании “Градуирование” Э. Сэпир выдвинул предположение о психологической первичности компаративов по

отношению к своим позитивам. В каждом языковом обозначении качества с большей или меньшей степенью эксплицитности содержится исходная идея *больше-меньше* нормы, или некоторого качества, принятого за точку отсчета, следовательно, в сознании говорящего *хороший* = лучше, чем обычный, нейтральный, *маленький* = меньше, чем среднего размера, *тихий* = тише, чем большинство [см.: Сэпир 1985]. В полемической статье А. Вежбицкой “Сравнение — градация — метафора”, в свою очередь, приводятся рассуждения о том, что подобные утверждения справедливы только для части компаративов (пространственных и некоторых других семантических групп прилагательных). Оценки же *хороший* и *плохой* с семантической точки зрения безотносительны: они не означают ‘лучше, чем...’ и ‘хуже, чем...’, а ‘такой, как мы хотели бы, чтобы был’, ‘такой, как мы не хотели бы, чтобы был’ [см.: Вежбицка 1990, 135].

Полагаем, что несмотря на всю свою изящность и глубину, размышления вышеуказанных авторов не могут быть связанными с реальным языком — системой конструирования и фиксации мысли, так как строятся на т.н. логическом материале, то есть с опорой на некоторые универсальные — глубоко тождественные для всех языков — элементы смысла. Однако никаких особых элементов (то есть дискретных упорядоченных феноменов) смысла, существующих помимо языка, быть не может. О константах смысла мы можем говорить только как об *инвариантах*, выявляемых в процессе анализа конкретно-языковых вариаций расчленения сознания. Поэтому и психологическая первичность-вторичность компаративов определяется, на наш взгляд, общей аксиосистемой национальной ментальности.

Так, в словацком языке синтетические формы сравнений занимают, с позиций русского человека, исключительное место.

Прежде всего отметим, что подобные формы в четыре раза чаще встречаются в словацких художественных текстах и реальном речевом поведении, чем у русских. И это весьма существенный факт. В исследованиях компаративистов-грамматиков акцент обыкновенно делается на том, что хотя в словацком языке синтетические формы компаративов и суперлативов более частотны, в русском языке эти образования тоже вполне системны [см., например: Čabala 1973]. Однако то, что возможно в авторских текстах, далеко не всегда отражает “привычку к номинации”. Легко заметить, что системно образуемые синтетические формы словацких компаративов в реальной живой речи соответствуют аналитическим эквивалентам русского языка, а также другим ракурсам представления ситуации. Это обнаруживается и в ситуациях спонтанной этнолингвоментальной включаемости, и в практике переводчиков, которые, переводя авторский текст, стремятся сохранить смысл оригинала, но не вербальную конденсацию исходного языка,

чтобы полученный вторичный дискурс воспринимался как “естественный”. Именно поэтому, например, в переводе известного романа Душана Митаны “Koniec hry”, выполненного Н. Шульгиной [см.: Митана 1987, Митана 1987], больше 60% компаративов и суперлативов переведены с использованием аналитических конструкций: *najvhodnejší spôsob* — наиболее приемлемое из всех возможных решение, *príčina jestvovala, nezmyselná, ale o to vd'acnejšia* — причина существовала, бессмысленная, но тем более благодарная и пр.

Конечно, уже эта тяга к синтетизму формы свидетельствует об акцентуации данной сферы познаваемой реальности у словаков. Однако наиболее существенным оказывается не деривационный потенциал, а особенность семантико-прагматических структур словацких компаратива и суперлатива по сравнению с русскими.

Как нам представляется, если в градуировании качества в системе русской лингвоментальности акцентируется момент *отношения и/или выбора*, то у словаков на первое место выступает категория *свойства* и суперкатегория *Я*. Именно этим объясняется значительная распространенность в словацком дискурсе безобъектных компаративов: *cvičenia pre staršie ženy, to bola taká svetlejšia farba, mám rada tmavšie šaty, čakal som dlhší čas*¹

В русском языке абсолютное употребление компаратива означает сопоставляемые разные состояния одного и того же предмета (*по утрам человек свежее*), на что обычно указывается в сравнительных грамматиках, или скрытое сопоставление с наличествующим или воображаемым рядом, и тогда компаратив и позитив оказываются психологически взаимозависимыми (*платье потемнее = одно из ряда темных = более темных, чем обычно носят, предлагают*).

Для словака же, как показали эвристические беседы и психолингвистические наблюдения, *tmavší, slabší, dlhší* и пр. не просто ‘более темный, чем...’ ‘более слабый, чем...’ ‘более долгий, чем...’, а включаемый в эксплицитно неградуированную область ‘такой, что можно считать темным’, ‘темный для меня’, ‘такой, что можно считать слабым’, ‘слабый для меня’. Особенно отчетливо эта субъективно оцениваемая неопределенность степени качества выявляется при сопоставлении форм *dlhý — dlhší, veľký — väčší*. Ср., например, оригинал и перевод фразы из романа “Конец игры”. “*Máte v byte nejakú väčšiu sumu peňazí?*” (s.61) — “У вас в квартире есть какая-нибудь крупная сумма денег..?” (5. с.151).

Очевидно, что использование компаратива в русском тексте придало бы ситуации значение сравнения и выбора” **“У вас... есть какая-нибудь покрупнее сумма денег”*. Вместе с тем использование позитива оставляет невыявленной аффектацию релятивно-субъективной оценки.

¹ В качестве примеров без указания страниц приводятся фрагменты магнитофонных записей спонтанной речи.

Различие в интерпретации компаративов приводит к скрытому или явному непониманию в живой коммуникации. Ярким примером может служить мой собственный опыт вхождения в словацкую лингвоментальность.

Выбирая в братиславской оптике оправу для очков, я попыталась (еще в недостаточной мере владея языком) попросить у продавца образец темнее выставленного и, указав на модель, спросила: “*Tmavšie?*”. Для меня это означало: “Есть ли более темная?”. Но и продавец, и присутствующие покупатели восприняли компаратив в соответствии со своей когнитивной аффектацией и наперебой стали убеждать: “*Nie, nebojte sa, sú dost' svetlé*”.

Акцентуация личностно-оценочной характеристики в словацком языковом конструировании мира выступает как принципиально длящаяся, стремящаяся к полярным точкам.

О диалектичности восприятия свойств говорит, прежде всего, фиксация зон на оси *хорошо — плохо*. Для словака хорошо то, что гармонично с его теперешним состоянием, то, что *адекватно*, поэтому он так часто фиксирует фазы изменения этого соотношения:

radšej, najradšej, bolo to čoraz horšie, a čo je horšie, navidomoci sa to zlepšovalo и пр.

Косвенным подтверждением тенденции к постоянному эгоцентричному сравнительному анализу ситуаций и мнений служит частотное словацкое фразеологическое выражение *to je trošku inak (inakšie)*.

Стремление к фиксации полярных точек градуирования проявляется не только в удивительной для русского уха частотности конструкций типа *jeho postavenije nebolo najprijemnejšie, najradšej by bol robil vo filmovom štabe* (s.23), *to nedopadlo najhoršie* (s.151). Интересны в принципе не переводимые в художественных текстах и не воспринимаемые иностранцами конструкции подчеркивания того, что используемая номинация — наиболее крайний член градуированной шкалы: *to naj... šie: mala na to tú najlepšiu kvalifikáciu* (s.26), *s tým najlepším umyslom, chce to najdrahšie*.

Такая специфика когнитивной конденсации — системной фиксации “пучка идей”, не связываемых стабильно в других языках, оказывается соотносенной с акцентуацией лингвоментальных позиций в языковом существовании представителей различных этнокультурных сообществ.

Проведенные нами психолингвистические исследования языкового поведения словаков, русских и украинцев, а также сопоставления переводов художественных текстов обнаружили любопытную тенденцию: русский логос, в большей мере ориентированный на объективность мира и надличностную лингвоментальную позицию носителей этого языка, фиксирует, прежде всего, наблюдаемые различия вещей (ср., например, соотношенность словацкого *pohár* с целой системой русских наиме-

нований *стакан, бокал, кубок, бутылъ, банка*). А личностность словаков проявляется в тенденции к большему конвенциональному синтетизму объективации свойств и отношений. Украинский логос занимает в этом плане промежуточную позицию: не располагая системно заданными и закрепленными в языке когнитивными реляционными конденсаторами, как это наблюдается в словацком логосе, он тем не менее демонстрирует большую аффектацию именно относительных свойств. Например, если русские информанты в ходе экспериментов стремились к абсолютной характеристике предметов, то у украинских информантов проявлялась тенденция к градуированию (*найгарніша, найнещастніша, найрозумніша*) или сопоставлению (*такий, як...*).

Полагаем, что совпадение тенденций когнитивной конденсации и лингвоментального поведения свидетельствует о внутренней психологической целостности этноса. А поэтому проведение комплексных сопоставительных исследований такого плана и выявление аффектированных зон крайне необходимо в нашей ситуации общей славянской нестабильности.

Литература

- Бардина Н.В. К построению формулы лингвоментальности //Слов'янський збірник. — Вип.1. — Одеса: Астропринт, 1996. — С.17-24.
- Вежбицкая А. Сравнение — градация — метафора // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С.133-152.
- Doroszewski W. Język, myślenie, działanie. — Warszawa: PWN, 1982. —447 s.
- Кант И. Соч.: В 6 т. — Т.6. — М.: Мысль, 1966.
- Сэпир Э. Градуирование. Семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVI. — М.: Прогресс, 1985. —С.43-78.
- Уемов А.И. Вещи, свойства, отношения. — М.: АН СССР, 1963. — 184 с.
- Шелер М. Положение человека в Космосе //Проблема человека в западной философии. — М.: Прогресс, 1988. — С.31-95.
- Čabala Michal. Tvorenie syntetického komparativu adjektív v súčasnej ruštine //Slavica slovaca. — 1973. — Č.1. — S.60-74.
- Mitana Dušan. Koniec hry. — Bratislava: Smena, 1987. — 317 s.
- Митана Душан. Конец игры. Пер. Н.Шульгиной //Иностранная литература. — 1987. — №5. — С.3-67; №6. — С.118-190.